

УДК 316.354.2

© 2015 г.

И.П. Добаев

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА

Добаев Игорь Прокопьевич – доктор философских наук, профессор кафедры регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, e-mail: kavkazdon@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению сущности и основных конструктов идеологии радикального исламизма. Раскрываются содержание и эволюция идеологических доктрин религиозно-политических экстремистов и террористов, прикрывающихся исламским вероучением. Делается вывод о том, что методика аргументации радикальных исламистов способствует радикализации ислама. В русле этого процесса фиксируется развитие религиозно-политического экстремизма и даже терроризма, мотивированного идеологами радикального исламизма.

Ключевые слова: идеология, исламизм, радикализм, экстремизм, терроризм.

Радикальный исламизм – явление прежде всего социально-политическое и представляет собой идеологическую доктрину и базирующуюся на ней специфическую политическую практику. В идеологической доктрине радикального исламизма задействованы два главных конструкта – такфир (обвинение в неверии так называемых врагов ислама) и джихад (война за веру), подразумевающий борьбу с «врагами» любыми средствами и способами, включая террористические.

В этой связи игнорирование идеологической составляющей религиозно мотивированного терроризма, перенос борьбы с терроризма на террористов, не может принести желаемого успеха. Отсюда следует, что акценты в антитеррористической практике следует переносить

в идеологическую плоскость. Для повышения эффективности этой работы надо детально изучить подходы исламистов к конструированию основ радикальных идеологических доктрин, выявить их расхождения с ортодоксальными взглядами на эти же проблемы и в конечном счете ущербность. Только такой подход поможет повысить эффективность в сфере идеолого-пропагандистской и разъяснительной деятельности государства, блокировать религиозно-политический экстремизм и терроризм, прикрывающийся исламом. Осмыслению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Исламизм выступает крайней формой политизации ислама и не совпадает в своих границах ни с одним из направлений, толков или идейных течений в исламе [2]. Исламизм не тождествен исламу. Тем не менее между ними существует сложная и напряженная связь, которую авторитетный отечественный исламовед А.А. Игнатенко определил так: «Каждый исламист – мусульманин, но не каждый мусульманин – исламист» [3].

Следует отметить, что идеологемы исламизма основательно базируются на положениях радикального фундаментализма (салафизма). В учении исламистов, которое они расценивают как единственно правильную трактовку ислама, присутствуют два главных, системообразующих положения – о такфире (обвинение в неверии тех, кто с ними не согласен) и джихаде. Для того чтобы выявить концептуальные расхождения по этим вопросам между представителями традиционного (ортодоксального) ислама и исламистами, рассмотрим подходы сторон к определению этих понятий, используя в этих целях доктрины исламских ортодоксов и идеологов радикального исламизма, в первую очередь С. Кутба и А. аз-Завахири.

Коранические аяты, сложившиеся в раннюю эпоху ислама (в меккский период), отражали период борьбы мусульман, прежде всего против язычников (многобожников). Вместе с тем в Коране имеются аяты, свидетельствующие, что в эпоху его создания отличали «людей Писания» («ахль аль-Китаб»), под которыми преимущественно имелись в виду христиане и иудеи, от идолопоклонников, язычников. Если к последним Коран неукоснительно и непримиримо относится враждебно, то за «людьми Писания» он признавал определенные права [1, с. 34]. В этот же период появились термины «отступники от ислама» и «лицемеры», под которыми понимались мусульмане, отступившие от ислама или верящие неправильно, неискренне.

Итак, в сакральных источниках мусульманства имеется понятие «люди Писания» – это христиане и иудеи. Коран сообщает мусульма-

нам, что последователи этих религий исповедуют Божественные Писания, ниспосланные им Богом. По мнению исламских традиционалистов, уважительные и добрые отношения мусульман и «людей Писания» зародились еще в мекканский период. В Мекке мусульмане были меньшинством среди язычников, они пытались сохранить свою веру в условиях преследований и нападок многобожников. Когда угрозы стали представлять опасность для жизни общины первых мусульман, они приняли решение покинуть Мекку и нашли убежище и теплый прием в Эфиопии у христианского царя Неджаши. Эфиопский царь отклонил все требования и угрозы мекканских язычников, настаивавших на выдаче и расправе над мусульманами, заявив, что мусульмане могут жить в мире и покое на землях, находящихся в его правлении. Милосердие, справедливость и уважительность христиан по отношению к первым мусульманам подчеркиваются в некоторых аятах Корана, например: «...и, несомненно, ты найдешь, что ближе всех к любви к уверовавшим те, кто говорит: “Мы – христиане”. И это потому, что среди них есть иереи и монахи, которые гордыни лишены (и не возносятся в высокомерии перед другими)» (Сура «Трапеза», 5:82). Однако в Коране можно обнаружить и другие аяты, которые резко отличаются в смысловом отношении от процитированного, о них речь пойдет при описании идеологических постулатов радикальных исламистов.

Что касается собственно мусульман, то согласно традиционалистскому подходу обвинение в неверии (такфир) представляет собой шариатское решение, которое следует принимать на основании Корана и сунны, как и решения о дозволенности, запретности или обязательности тех или иных дел. Человека можно считать неверным лишь в том случае, если на то имеются ясные указания вышеназванных сакральных источников. В сомнительных случаях установленные шариатом наказания не применяются, хотя их использование повлекло бы менее серьезные последствия, чем обвинение в неверии, а это значит, что, если дело внушает сомнения, от обвинений в неверии тем более следует воздержаться [5, с. 114].

Пророк предупреждал: «Когда человек называет своего брата (в исламе) неверующим, это возвращается (по меньшей мере) к одному из них» [6, с. 62]. Из этого следует, что по традиции ни один мусульманин не может назвать другого неверующим (независимо от его недостатков или совершенных греховных дел) до того момента, пока тот сам публично не признается в этом. Это положение специально оговаривалось и считалось очень важным, так как вероотступничество почиталось одним из самых тяжких грехов и каралось смертью (хотя в

этом случае людям предоставлялись три возможности отречься от неверия).

Для вынесения шариатского решения о неверии, как настаивают традиционалисты, необходимы наличие известных причин и условий и отсутствие соответствующих препятствий. Например, можно обнаружить такие аяты Корана и хадисы, из содержания которых можно понять, что то или иное слово, действие или убеждение является проявлением неверия. Тем не менее «того, кто произносит такие слова, совершает такие действия или придерживается таких убеждений, нельзя обвинять в неверии в силу наличия определенных препятствий» [5, с. 115].

Совсем по-другому подходят к вопросу такфира радикальные исламисты. Например, главный идеолог египетских «Братьев-мусульман» в 50–60-е гг. XX в. Сайид Кутб прямо говорит о том, что «...на Земле существуют лишь две партии: партия Аллаха и партия шайтана. Партия Аллаха состоит из тех, кто стоит под знаменем Аллаха, а к партии шайтана относится каждая секта, группа, народ или отдельный человек из числа тех, кто под этим знаменем не находится» [4, с. 174–175]. Любое неисламское общество С. Кутб называет джахилистским (доисламское общество в Аравии – многобожники, язычники).

К джахилистским Кутб, в отрыве от исламской ортодоксии, относит не только языческие, но и «христианские, и иудейские общества... прежде всего потому, что они исповедуют извращенное вероисповедальное мировоззрение, в соответствии с которым Аллах... не наделяется таким атрибутом, как божественность. Можно сказать больше, они придают ему сотоварищей в одной из форм многобожия, как называя сына Божия, так и причисляя Троицу». Свои тезисы при этом он аргументирует многочисленными кораническими аятами: «И сказали иудеи: “Узайр – сын Аллаха”. И сказали христиане: “Мессия – сын Аллаха. Эти слова похожи на слова тех, которые не веровали раньше. Пусть поразит их Аллах! До чего они отвращены!”» («Покаяние», аят 30); «Не веровали те, которые говорили: “Ведь Аллах – третий из трех”, – тогда как нет никакого божества, кроме единого Аллаха, а если они не удержатся от того, что говорят, то коснется тех из них, которые не уверовали, мучительное наказание» («Трапеза», аят 77); «И сказали иудеи: “Рука Аллаха привязана!” У них руки связаны, и прокляты они за то, что говорили. Нет! Руки у Него распростерты: расходует Он, как желает...» («Трапеза», аят 69); «И сказали иудеи и христиане: “Мы – сыны Аллаха и возлюбленные Его”. Скажи: “Тогда почему Он вас наказывает за ваши грехи? Нет, вы только люди из тех, кого Он создал”» («Трапеза», аят 21) [4, с. 269–270].

Таким образом, христианские и иудейские общества С. Кутб прямо относит к языческим: «...все их системы и законоположения не основываются на поклонении Аллаху... с древних времен Аллах заклеил их позором причастности к многобожию, потому что они передавали это право своим священнослужителям и монахам, правили и издавали законы для них по собственному усмотрению и сами принимали как должное, что те в свою очередь узаконивали: “Они взяли своих священнослужителей и монахов за господ себе, помимо Аллаха, и Мессию, сына Марйам. А им было повелено поклоняться только единому Богу, помимо которого нет божества. Хвала Ему, превыше Он того, что они придают Ему в соучастники!» («Покаяние», аят 31) [4, с. 270].

Исходя из таких посылов, Кутб относит «людей Писания» к «врагам ислама», застолбив этот тезис очередными, вырванными из контекста кораническими аятами: «И никогда не будут довольны тобой ни иудеи, ни христиане, пока ты не последуешь за их учением. Скажи: “Поистине, путь Аллаха есть настоящий путь!”», – а если ты последуешь за их страстями после пришедшего к тебе истинного знания, то не будет тебе от Аллаха ни близкого, ни помощника» («Корова», аят 120); «О вы, которые уверовали! Если вы будете повиноваться какой-либо группе из тех, кому даровано Писание, они обратят вас после того, как вы уверовали, опять в неверных» («Семейство Имрана», аят 100) и т.д. [4, с. 308–309].

Нынешний лидер «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири в разработанной им в 90-х гг. XX в. идеологической концепции «Симпатии и антипатии» («Аль-валява-ль-бараа») развивает человеконенавистническое учение С. Кутба. Однако все человечество он делит не на «партию аллаха» и «партию шайтана», а на три группы: 1) тех, кого следует только любить, не испытывая к ним никакой враждебности; 2) тех, кого следует только ненавидеть и только враждовать с ними, не испытывая к ним ни любви, ни дружеских чувств; 3) тех, кто заслуживает, с одной стороны, любви, а с другой стороны – ненависти [7]. Ко второй группе автор концепции причисляет всех немусульман, включая христиан и иудеев, и именно их он призывает не только ненавидеть, но и враждовать с ними. Действительно, такфириты считают всех христиан и иудеев неверующими (между тем, как уже отмечалось выше, ортодоксальный ислам называет их «людьми Писания», такими же верующими, но исповедующими более ранние Священные Писания). На этом основании такфириты считают себя вправе убивать их [6, с. 63]. Впрочем, как и всех немусульман, а также и тех мусульман, кого ради-

калы относят к «врагам ислама» («отступники» и «лицемеры»), которых аз-Завахири причислил к третьей группе.

Радикальный исламизм – это не только человеконенавистническая идеологическая доктрина, но и базирующаяся на ней политическая практика неадекватного насилия, которая радикалами прикрывается известным мусульманским понятием «джихад».

Однако джихад совершенно по-разному осмысливается традиционалистами и радикальными салафитами. Что касается традиционалистского исламского взгляда на джихад, то он делится на большой (борьба за самоусовершенствование мусульманина) и малый («джихад в форме меча», или газават – ведение военных действий). Священная война в «форме меча», или газават, может быть объявлена только тогда, когда жизнь мусульман и их земли подверглись угрозе или нападению. Джихад в таком ракурсе рассмотрения – это священная война ради законной самозащиты. Джихад может быть объявлен только законным правителем, если и когда он считает это необходимым, для того, чтобы защитить жизнь мусульман, их потомков и их земли. В этом смысле священным долгом каждого здорового мужчины-мусульманина является участие в джихаде.

При этом даже если джихад объявлен, есть правила поведения и военных действий, которые не могут быть нарушены, независимо от того, как поступает враг. В частности, первый праведный халиф Абу Бакр в своем первом акте в качестве халифа изложил законы самого Пророка о джихаде (священной исламской войне для законной самозащиты) для мусульманской армии буквально в следующих словах: «Не предавай, не завидуй, не обманывай, не калечь, не убивай детей, не убивай пожилых, не убивай женщин. Не уничтожай и не сжигай ульи пчел, не руби деревья, приносящие плоды, не забивай овец, скот или верблюдов, кроме как для пропитания. Когда придешь к людям, проживающим в монастырях (то есть к христианским монахам), оставь их делать то, чему они посвятили свою жизнь. Иди вперед во имя Всевышнего» [6, с. 7]. Эти правила считаются авторитетными для суннитов-традиционалистов, они подкреплены высказываниями Пророка: «Нападайте во имя Аллаха, но не преступайте, не убивайте ни ребенка, ни женщину...» [6, с. 65]. Более того, верующие должны искать мирного решения и соглашения с конфликтующей стороной, предпочесть мир войне и могут вступать в войну только лишь для обороны в случае агрессии с противоположной стороны, при отсутствии альтернативы военному решению конфликта. Это положение объясняется в Коране

так: «Если же они остановят [войну], то и вы [остановите]... ведь Аллах – Прощающий, Милосердный!» (Сура «Корова», 2:192) [8, с. 32].

Однако такфириты-джихадисты не признают ни правил объявления джихада, ни норм его ведения, основываясь на идеологических посылах своих агитаторов, нередко ссылающихся на труды салафитов далекого прошлого. Так, С. Кутб в своей нашумевшей книге «Вехи на пути», ссылаясь на труд самого известного ученика и последователя средневекового идеолога салафизма А. Ибн-Таймийи – имама Ибн аль-Кайима «Заадд аль-Маад», так резюмирует концепцию джихада в исламе: «Сражение было сначала запрещено, потом – дозволено, затем было повелено сражаться против тех, кто выступает против мусульман с оружием в руках, а потом уже было повелено сражаться против всех многобожников» [4, с. 248].

В этой же работе Кутб утверждает, что в течение мекканского периода своего проповедничества Мухаммед «увещевал людей исламским призывом, не прибегая ни к каким военным действиям и не налагая никакого налога. Аллах повелел ему быть воздержанным, проявлять терпение и прощать». После же переселения из Мекки в Медину «всевышний наказал ему вести военные действия против того, кто выступает против него с мечом, и оставить в покое того, кто поддерживает Пророка... и не ведет против него военных действий... Далее Он наказал Мухаммеду... вести военные действия против всех многобожников, с тем чтобы вся религия принадлежала Аллаху» [4, с. 235]. Он же заявлял, что джихад «...нельзя назвать оборонительным движением в том узком смысле, в котором понимают сегодня термин “оборонительная война”... Если мы неизбежно должны назвать движение Джихада в Исламе оборонительным движением, то мы непременно должны изменить смысл слова “оборона” и понимать под ним “защиту человека” от угрозы всех тех факторов, которые ограничивают его свободу и препятствуют его освобождению. Эти факторы олицетворяются в убеждениях и представлениях так же, как они воплощаются в политических системах, основывающихся на расистских, классовых и экономических преполах. Эти системы господствовали на всей земле к моменту прихода Ислама. Некоторые из форм этой системы продолжают господствовать и в наше время в условиях современного языческого невежества... Ислам, устремляясь к миру, не имеет в виду тот дешевый мир, суть которого сводится лишь к тому, чтобы обезопасить территорию, на которой проживает население, воспринявшее исламское вероучение. Ислам желает такого мира, под сенью которого вся религия полностью бы принадлежала»

ла Аллаху, то есть чтобы люди, все люди под сенью этого мира поклонялись только Аллаху...» [4, с. 245–246].

Свои интерпретации С. Кутб подкрепляет аятами, буквально вырванными из коранического текста, но призванными подтвердить правоту автора: «Пусть же сражаются на пути Аллаха те, которые покупают за ближайшую жизнь будущую! И если кто сражается на пути Аллаха и будет убит или победит, Мы дадим ему великую награду. И почему вы не сражаетесь на пути Аллаха за слабых из мужчин и женщин, и детей, которые говорят: “Господи наш! Выведи нас из этого селения, жители которого тираны, и дай нам от Тебя покровителя и дай нам от Тебя помощника”». «Те, которые уверовали, – сражаются на пути Аллаха, а те, которые не веруют, – сражаются на пути тагута. Сражайтесь же с друзьями сатаны; ведь козни сатаны слабы!» («Женщины», аяты 76–78); «Скажи тем, которые не веровали: “И сражайтесь с ними, пока не будет многобожия и религия вся будет принадлежать Аллаху”» («Добыча», аят 39); «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник и не подчиняется религии истины – из тех, которым ниспослано Писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными» («Покаяние», аяты 29–32).

Аналогичные расхождения можно обнаружить в подходах традиционалистов и радикальных исламистов и по другим важным вопросам. В частности, по их отношению к политической власти и законным правителям, терроризму смертников и т.д. Одновременно радикальный исламизм существует не только как некая система идеологических представлений. Он требует от своих адептов активной жизненной позиции, включающей их личное участие в достижении поставленных целей, осуществления ими специфической политической практики.

Представители традиционного ислама в этой связи подчеркивают, что такфириты-джихадисты сами «себе предоставили право объявлять людей вероотступниками (шире – «врагами ислама». – *И.Д.*), отвергать традиционную политическую власть, поскольку они не только санкционировали самоубийство, но и подстрекают к нему, а также игнорируют все правила джихада, им очень легко совершать убийства и террористические акции» [6, с. 63]. При этом они нередко обращаются к Корану, а там, в частности, можно обнаружить такие аяты: «И когда закончатся запретные месяцы, то убивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте и ведите против них разведывательные манёвры...» («Покаяние», аят 5); «Вот внушил Господь твой ангелам: “Я – с вами, укрепите тех, которые уверовали! Я брошу в

сердца тех, которые не веровали, страх: бейте же их по шеям, бейте их по всем пальцам”» («Добыча», аят 12); «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее, а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы» (Сура «Мухаммад», аят 4), и др.

Таким образом, методика аргументации радикальных исламистов основана, как правило, на подтверждении ими тех или иных выдвигаемых положений, идей, а порой и просто домыслов, той или иной цитатой, буквально вырванной, выхваченной из Корана или Сунны. Нередко они подкрепляют свои идеи трудами салафитов прошлого. Безусловно, такой подход способствует радикализации ислама в определенные, переломные этапы истории, в русле этого процесса фиксируется развитие религиозно-политического экстремизма и даже терроризма, мотивированного идеологами радикального исламизма.

Литература

1. *Авксентьев А.В.* Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1984. 287 с.
2. *Дегтярев А.К., Черноус В.В.* Исламизм: социологический дискурс // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1. С. 10–17.
3. *Игнатенко А.А.* Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8). С. 112–128.
4. *Кутб С.* Будущее принадлежит исламу. Эта религия. Вехи на пути Аллаха. Махачкала, 1997. 360 с.
5. *Мухаммад бин Хусейн бин Саид аль-Суфран аль-Кахтани.* Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий / пер. с араб. В.А. Нирша. М., 2003. 200 с.
6. *Мухаммад Хасан.* Источник террора: идеология ваххабизма-салафизма. М., 2005. 158 с.
7. *Салех бин Фаузан аль-Фаузан.* Дружба и непричастность в исламе. Баку, 1997. 38 с.
8. *Харун Яхья.* Ислам проклинает террор. Астана, 2002. 105 с.

References

1. *Avksent'ev A.V.* Islam na Severnom Kavkaze. Stavropol', 1984. 287 s.
2. *Degtiarev A.K., Chernous V.V.* Islamizm: sotsiologicheskii diskurs // Nauchnaia mysl' Kavkaza. 2010. № 1. S. 10–17.
3. *Ignatenko A.A.* Endogennyi radikalizm v islame // Tsentral'naia Aziia i Kavkaz. 2000. № 2 (8). S. 112–128.
4. *Kutb S.* Budushchee prinadlezhit islamu. Eta religiia. Vekhi na puti Allakha. Makhachkala, 1997. 360 s.
5. *Mukhammad bin Khusein bin Said al'-Sufran al'-Kakhtani.* Islam protiv terrorizma. Fetvy imamov po voprosam, kasaiushchimsia tiazhkikh bedstvii / per. s arab. V.A. Nirsha. M., 2003. 200 s.
6. *Mukhammad Khasan.* Istochnik terrora: ideologii vakhkhabizma-salafizma. M., 2005. 158 s.
7. *Salekh bin Fauzan al'-Fauzan.* Druzhba i neprichastnost' v islame. Baku, 1997. 38 s.
8. *Kharun Iakh'ia.* Islam proklinaet terror. Astana, 2002. 105 s.